

УХОДИЛ УЧИТЕЛЬ НА ВОЙНУ...

Леонид Кичёв,
доцент Мордовского
республиканского
института
образования,
член Союза
журналистов РФ

Повестку из военкомата учитель Леткинской средней школы Иван Ильич Бирлюков ждал все первые десять месяцев войны. Он искренне хотел, чтобы её принесли как можно скорее, прямо сюда, в школу, может быть, прямо в класс, где он будет давать свой очередной урок по физике. И это не было бравадой. Такое решение диктовала совесть: за эти первые месяцы войны из села ушли на фронт почти 300 мужчин. Сначала «кадровики», то есть прошедшие в своё время действительную службу в армии. Вслед за ними война стала подбирать более молодых, двадцатидвухлетних, таких, как он, а затем накрыла чёрным крылом совсем юных — его учеников, вчерашних десятиклассников, совсем ещё мальчишек, озорных, но уже повзрослевших. Впрочем, повзрослевшими они казались лишь здесь, в школе, на фоне школьников более младших классов, и совсем другими — в день проводов на фронт, на которых Бирлюков всякий раз присутствовал. Остриженные наголо, враз похudevшие, с осунувшимися лицами, по-детски оттопыренными ушами, растерянные, они опять выглядели мальчишками.

Картина проводов надолго оставалась в памяти и не давала покоя. Провожать каждого уходящего на фронт приходило всё село — от детворы до стариков. После короткого горестного застолья в доме новобранца жители каждой улицы шли провожать его за околицу села, где, растопырив крылья, как одряхлевший коршун, стояла древняя, обшарпанная непогодой ветряная мельница. Сюда и стекались в день проводов людские потоки со всех одиннадцати улиц села. Людское море не в одну тысячу человек — многоголосный тревожный гул, истошные женские вопли и причитания; звонкие переливы многочисленных гармошек и подходящие для этого случая деревенские частушки, с удивительной точностью вскрывающие суть происходящего: и горечь разлуки, и боль за возможную гибель «во цвете лет», и браваду, некий мальчишеский героизм на виду всего села, а в первую очередь перед сверстниками и, конечно, перед девчатами, кандидатками в невесты:

Стели, мать, постелюшку
Последнюю неделюшку,
А потом я расстелю
Серую шинелюшку...

До слёз прошибали частушки о расставании с родным селом, с тихим и понятным деревенским укладом, который разом рухнет вон там, за тем поворотом дороги, ведущей к Старошайговскому военкомату. Дальше дорога свернёт к станции Хованщина, а затем и вовсе — в неведомые края, туда, где грохочет война и где ждёт тебя почти неминуемая смерть или увечье... В частушках об этом говорилось безжалостно-просто, горько и беспощадно:

Нас угонят, нас угонят,
Нас угонят, нас убьют,
Молодое тело бело
На носилках понесут.

Именно эта частушка особенно назойливо звенела и повторялась в ушах молодого учителя на протяжении многих дней после очередных проводов, когда в числе других уходили на фронт два его самых способных ученика, месяц назад получивших от-

личные аттестаты зрелости. Кажется, именно после этой зловещей частушки и рухнула на землю как подкошенная тётя Поля, мама Константина Кичёва, уже получившая похоронку на мужа. На руках у неё осталось восемь малолетних детей, старшего из которых она и провожала в этот раз на войну...

Обо всём этом не мог не думать учитель Бирлюков. Не думать и не терзаться. Поэтому и жгла его душу совесть: они, мальчишки, уходили в пекло войны, а он, их учитель, наставник, взрослый мужчина, оставался дома. Не раз заводил он об этом разговор с директором школы Зинаидой Ивановной Серебряковой, талантливым педагогом ещё той, старой, дореволюционной школы, которая, казалось, знала ответы на все самые сложные вопросы.

Разговор — о фронте. О совести и долге. И перед Родиной, и перед своими учениками. «Успокойся, Ваня, — по-матерински осаживала его директор, — ты здесь ни при чём. Бронь твоя — за счёт отца-инвалида, который потерял здоровье в Гражданскую войну, защищая Советскую власть. Скажу тебе больше: в некоторых странах действуют законы, по которым учителя-мужчины вообще освобождаются от воинской повинности даже на случай войны. И это правильно: школа без учителя существовать не может. Страна продолжает жить и в годы войны, и после. Чтобы было кому потом возрождать её из пепла, нужен учитель, наставник».

Директор школы была во многом права: Бирлюков видел, как распался созданный в преддверии войны мощный, слаженный коллектив школы: один за другим уходили на фронт педагоги-мужчины: историк Пётр Иванович Лапенков, биолог Серафим Константинович Иванов, преподаватель физкультуры Рашид Касимович Абузов, а также прибывшие в первый год войны по эвакуации из Белоруссии прекрасные математики Лукашевич и Бойко. Костяк из опытных преподавателей-женщин оставался, но почти половину кол-

лектива составляли теперь вчерашние десятиклассницы: Шура Луконина, Таня Гонякина, сёстры Таня и Мария Новокрещёновы.

Всё образовалось само собой: бронь учителя Бирлюкова просуществовала до 13 марта 1942 года, когда и пришла ему долгожданная повестка из райвоенкомата. И принесли её, как он и ожидал, прямо в класс, в 10 «А», где он вёл урок физики. В дверь осторожно заглянула и протянула невзрачный казённый листочек бумажки почтальонша Катя: «Вот, Иван Ильич, вам прислали».

Класс замер. В эту самую минуту оглушающе противно раздался звонок на перемену. Никто не тронулся с места. Ждали, что скажет учитель. А он молчал, искал нужные слова. И нашёл их: «Пришла и моя очередь, ребята. Обещаю, что не подведу. Выполню долг с честью... А вы — тоже живите достойно». Девчонки плакали. Ребята по-мужски жали руку. «Скоро и мы вслед за вами», — за всех сказал Вася Луконин, отличник и гордость класса, который ровно через год будет призван в армию и погибнет под Ленинградом.

Провожали учителя Бирлюкова всем селом. От дома до школы — метров сорок, идти в центр как раз мимо неё. Была перемена. На улицу высыпала вся школа. Смолкла гармошка. Затих на миг плач. Невольно возник своеобразный митинг. «Доброго пути, Иван Ильич! Возвращайтесь с победой!» — слышалось вокруг. Окружили друзья-педагоги. Не удержались от слёз женщины. Зашемило сердце и у него, когда окинул взором старенькое, деревянное, но такое родное здание школы, тополя-исполины, стоящие рядком, как на параде... Преодолевая смущение, к нему шагнула Шура Притворова и чуть слышно произнесла: «А можно я вам писать на фронт буду?.. Носки и перчатки свяжу». И, зарывав, отпрянула назад. Он удержал её, взял легонько за плечи, прижал к себе, радостно выдохнул: «Конечно, Шура! Конечно! Я адрес пришлю».

Он благодарил судьбу за то, что начертала ему светлую дорогу — профессию учителя. Об этом он мечтал, наверное, класса с шестого. А заронила в душу эту мечту самая любимая, и не только им, Зинаида Ивановна Серебрякова, в то время преподаватель русского языка и литературы. Равных ей не было. Даже самые заядлые «математики» и «химики» были околдованы её предметом. И вовсе не случайно из выпускников школы вышла плеяда незаурядных людей — словесников, журналистов, педагогов.

В числе их был и он, Иван Бирлюков, с детства влюблённый в математику и физику. Но литература и русский язык всегда были у него на первом месте, как и мечта стать учителем. После десятилетки поступил он в Краснослободское педучилище, программу которого сдал экстерном. Так и появился в 1937 году в Новоакшинской школе молодой преподаватель русского языка и литературы, светлоглазый застенчивый парень из соседнего села Летки Иван Ильич Бирлюков. Через год решил учиться дальше, пошёл в пединститут, на желанный физмат.

...О прекрасном, незаурядном преподавателе физики и математики Иване Ильиче Бирлюкове помнят сотни жителей села, когда-то учившиеся у него. Вспоминают о нём с благодарностью: «Шли к нему на урок, как на праздник: с радостью и нетерпением, — говорит бывший его ученик Н.М. Кулагин, известный в Мордовии общественный деятель и журналист. — Я по натуре — резко выраженный гуманитарий, но физику, её основные законы помню до сих пор. А ведь прошло с тех пор — шестьдесят лет!»

Но об этом, естественно, не знал и не мог знать ухोдивший тогда на фронт в марте 1942 года молодой учитель. Впереди за поворотом, за сельской ветряной мельницей была неизвестность. Правда, отчасти она рассеялась уже в военкомате, когда пятерым парням с высшим специальным образованием дали направление в Саранское пехотное училище. Это радовало. Невольно нахлынули приятные воспоминания о студенческих годах. Но курсант — это не студент, а училище — не институт с его почти домашним укладом и «родительскими» поблажками преподавателей даже в отношении нерадивых. Это поняли курсанты с первых минут. Строевая подготовка. Стрельбы. Короткие часы сна. Скучное питание. Физические нагрузки до изнеможения. У каждого курсанта было одно желание — скорее бы на фронт!

Ровно через три месяца недоучившихся курсантов отправили в распоряжение 206-й пехотной дивизии под Волоколамск. Поэтому у отбывавших на фронт вместо лейтенантских были сержантские звания, а у «отличников», среди которых был и курсант Бирлюков, — старшинские.

Дивизия находилась на коротком отдыхе после больших потерь в боях под Москвой и пополнение было очень кстати. Распределили по местам быстро. Читая документы Бирлюкова, замкомандира полка, седой, высокий майор Доброхотов почему-то остановил на нём взгляд.

— Учитель, говоришь, к тому же — математик... Это хорошо. Давай-ка, брат, пока в миномётчики. А там посмотрим.

Дивизия стояла в резерве. И больше половины её состава были пока новички, которые не только не «нюхали пороху», но которых нужно было в срочном порядке и учить, и переучивать. В том числе его, Бирлюкова, знавшего о миномёте лишь понаслышке. На учёбу уйдёт почти два месяца. Точность попадания мин зависит, кроме умелого пользования прибором, от природного или приобретённого практикой «глазомера». Чего было больше у Бирлюкова, трудно сказать: наверное, понемногу и того, и другого, но именно его расчёт уже с первых стрельб стал одним из лучших. Вызывало уважение у командиров и то, что старшина Бирлюков был тих и скромен, вежлив и добродушен. Может быть, всё это и повлияло на его дальнейшую фронтную судьбу.

В резерве дивизия стояла чуть более двух месяцев. Фронт был совсем рядом, километрах в двадцати. Явственно слышны грозовые раскаты орудийных залпов, видны всполохи разрывов. Испытать пришлось и ужасы первых бомбёжек, вой «юнкеров»

и «мессершмиттов», которым, несмотря на плотные заслоны наших зениток, удавалось прорываться в расположение дивизии и наносить удары. Познали новички и первые потери товарищей. Дивизия готовилась вступить в бой. Готовился к этому важному событию и Бирлюков.

И вдруг этот неожиданный вызов в штаб полка, к майору Доброхотову. К тому самому, который определил его когда-то в миномётчики.

— Ну, как, старшина, готов бить фрицев?

— Так точно, товарищ майор! — отчеканил Бирлюков.

— Да ты присядь. Разговор есть, — продолжал майор. — У тебя кто в расчёте заряжающий?

— Ефрейтор Сидоров.

— Ефрейтор? Он что — в боях участвовал?

— Так точно. Даже медаль имеет. Очень толковый парень. На глазок любую цель поражает с первой мины.

— Вот и хорошо, — с удовлетворением заметил майор. — Оставишь его за себя. А тебе придётся ещё поучиться. Нам грамотные артиллеристы нужны. Поедешь в Горьковское зенитно-артиллерийское училище.

— А как же фронт? Я готовился, ждал...

— Успеешь. Фрица ещё долго колотить придётся.

И добавил:

— Едешь не один, группа из четырёх человек. Ты — старший. Оформляй документы и — в путь...

Шестимесячная учёба в училище пролетела быстро, и уже в начале лета 1943 года Бирлюков был в 4-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии, которая вела ожесточённые бои под Старой Руссой. Его расчёт 76-миллиметрового орудия в составе первой батареи под командованием капитана Леженко вступил в бой на второй день после прибытия.

Перед боем новый командир сделал «прикидку» на скорость развёртывания

орудия к бою. В одиннадцать положенных секунд расчёт не только уложился, но и превзошёл норматив. Командир сам принял в этом активное участие. Понравилось солдатам и то, что командир точно выбрал позицию для орудия, используя ложбину горы, поросшую кустарником. Не лес, что был рядом, а именно это место, которое они, бывалые артиллеристы, приметили сами. Отсюда был лучше обзор, лучше была и естественная маскировка. Если, конечно, поглубже зарыться в землю. Именно на это и обратил внимание командир-новичок.

Бой начался, как всегда, неожиданно. С командного пункта батареи поступила команда: «В радиусе трёх километров вражеские танки. Орудия к бою. Прицел номер... броневой... Огонь!»

Бирлюков застыл у прицела, в секторе которого появлялась то одна, то другая железная машина врага. Но они были ещё далеко, хотя другие расчёты батареи, расположенные чуть левее, в центре плацдарма, вели по ним огонь. И небезуспешно: уже запылали два, а затем и три вражеских танка. Но вдруг в небе появился немецкий самолёт-разведчик, который обрушил бомбы как раз на батарею, расположенную в центре. Вне этого огненного шквала оставалось лишь орудие Бирлюкова, расчёт которого пока выжидал и не вёл огня. Пользуясь тем, что орудия, находящиеся под бомбёжкой, временно снизили интенсивность стрельбы, немецкие танки прибавили скорость и устремились вперёд, изрыгая десятки снарядов и намереваясь смять орудия.

«Ну, Дима, давай! — тронул за плечо наводчика Дёмина Бирлюков. — Вот они, как на блюдечке», — и, прильнув к прицелу, дал команду. Но опытный Дёмин на миг опередил его и точно «вмазал» снаряд в бок ближайшего танка. Он вспыхнул. И вот уже расчёт заработал как единый механизм: чётко и быстро сновали подносчики, плавно и ловко вгонял снаряд в «казённый» заряжающий Платонов, по-хозяйски, цепко и надёжно, прилипал к орудийному прицелу наводчик

Дёмин, вцепившись своими могучими ручищами в рычажки механизма наведения. Орудие било прямой наводкой, так как танки подошли слишком близко, а действовать самостоятельно пришлось потому, что временно перестали поступать команды корректировщиков. Немцы по-прежнему, казалось, не замечали орудия Бирлюкова, даже несмотря на то, что именно из него был подбит один вражеский танк. Старшина понял: главная их цель — смять всю батарею, прикрывающую главный плацдарм наступления наших войск. «Надо немедленно отсечь их огнём. Дать восстановиться батарее после бомбёжки», — мелькнула мысль, которой он тут же поделился с Дёминым. «Точно! Молоток, старшина! Соображаешь!» — подмигнул тот. И орудие вступило в бой. Один из танков завертелся на месте, блистая разорванной гусеницей; другой замер с заклиненной башней.

Оправившись от бомбового удара, четыре батареи из пяти оставшихся в целости открыли мощный прицельный огонь по «тиграм», которые, оставив ещё несколько костров, спешно стали отходить назад. Артиллерийская канонада длилась более двух часов, и лишь потом пошла в наступление пехота, поддержанная с воздуха нашей авиацией и подошедшими с марша танками. Город Старая Русса был взят. На счету орудийного расчёта Бирлюкова было три подбитых танка. Об интенсивности стрельбы говорила и груда пустых снарядных гильз. Чумазы от копоти, потные, обнажённые до пояса и смертельно уставшие, солдаты улыбались. «А теперь перекур! — скомандовал Дёмин. — Держи кисет, командир», — обратился он к Бирлюкову. — Спасибо, я, ребята, не курю». Солдаты засмеялись: «Нам больше достанется».

Итоги боя подвёл командир батареи капитан Леженко: «Мы потеряли орудийный расчёт. От прямого попадания бомбы погибло шесть человек. Есть раненые и убитые в других расчётах». Помолчал, сделал две глубокие затяжки горьковатой самокруткой и уже другим голосом добавил: «Особо хотел отметить грамотные и результативные действия расчёта старшины Бирлюкова. Им подбито три танка. Большую роль сыграл их заградительный огонь... Расчёт заслуживает боевых наград. Спасибо, старшина!» Бирлюков опешил. «Ну что молчишь, Бирлюков? — дружески подбодрил его капитан. — Спасибо, говорю, за отличный фронтный урок, Иван Ильич, учитель из Мордовии». Все засмеялись, и только тогда он произнёс те слова, которые от него ждали: «Служу Советскому Союзу!»

— Ну вот, давно бы так, — подмигнул ему капитан, — ещё раз спасибо. Выручил.

Таким было первое боевое крещение старшины Бирлюкова. Этот день будет ознаменован ещё одним радостным событием: ему придёт небольшая посылочка с тёплыми вещами вместе с очередным письмом от Шуры, бывшей его ученицы. «Варежки связала сама. И указательный палец — отдельно. Как положено, чтобы на курок было удобно нажимать. Носки тоже пригодятся, — по-девичьи наивно писала Шура, — махорку солдатам отдайте. А себе — тыквенные семечки». А в конце сделала при-

писку, которая его и обрадовала, и встревожила: «Осенью в медучилище поступлю. Выучусь и тоже на фронт пойду».

Впереди будет много боёв. Ещё не раз отличится в них его орудийный расчёт. Впереди — тысячи километров: Дон, Курская дуга, Украина, Белоруссия, Румыния, Венгрия, Чехословакия, где он и встретит День Победы.

Но три боя — первый и ещё два — он запомнил на всю жизнь. Это было на Украине, в боях за станцию Поныри, куда спешно, ночью была брошена на прорыв их воздушно-десантная дивизия. В бой вступили сходу, под шквальным огнём и бомбёжкой. Батарея Бирлюкова не успела даже окопаться, орудия лишь «отстегнули» от тягачей и автомашин, оставив их среди поля. Машины приказано было отвести в укрытие, которое неподалёку нашлось: метрах в восьмистах стояли стога сена. «Давай, старшина, веди их туда, — приказал Бирлюкову командир батареи, — укрой их там».

До стогов оставалось метров тридцать, как вдруг они зашелевелились и изрыгнули шквал огня. Это были замаскированные немецкие танки. Снаряд попал и в автомашину, где сидел в кабине Бирлюков. У шофёра, как бритвой, срезало осколком голову, Бирлюкова кинуло на землю. Он вскочил и побежал. Кругом был ад: огонь был со всех сторон. Ему удалось добежать до расположения батареи. Два орудийных расчёта выведены из строя прямым попаданием. Другие ещё отвечали огнём, но танки били прицельно и наносили большой урон. На глазах Бирлюкова были разбиты снарядами ещё два наших орудия. Его расчёт ещё вёл стрельбу, но в живых оставалось лишь двое: он и наводчик Дёмин. Около правого колеса пушки лежал, раскинув руки, заряжающий Гриша Платонов, около снарядных ящиков — остальные трое его ребят. Подносчиком и заряжающим был теперь в одном лице он, старшина Бирлюков, а Дёмин вёл огонь. Но вот рухнул на землю и он, сражённый осколком в грудь, видимо, в самое сердце, так как смерть была мгновенной. Но обстановка ра-

зом изменилась в лучшую сторону: как ястребы, выскользнули из-за туч в небе наши юркие «штурмовики», пикируя вниз на вражеские танки, которые один за другим вспыхивали, как свечи, или пытались маневрировать, уходя в сторону лесных посадок. Подтянуты были к месту сражения ещё три наши батареи, которые накрывали противника огнём из-за железно-дорожной насыпи, километра за два до передовой, не видимые фашистами. Батальон постепенно закрепился на позициях. В короткое затишье хоронили погибших. Отдал последние почести своим друзьям и старшина Бирлюков. Расчёт был укомплектован из уцелевших артиллеристов других орудий.

Памятен ему и ещё один бой. Такой же жаркий, драматичный, героический. Было это при форсировании Днепра слякотной зимой 1944 года. Никопольско-Марганцевский плацдарм протяжённостью около 150 километров, растянувшийся по правому берегу Днепра, фашистское командование и сам Гитлер считали чрезвычайно важным потому, что отсюда Германия вывозила десятки тысяч тонн стратегического сырья: марганца, угля, железной и урановой руды. Поэтому немцы предприняли, казалось, всё, чтобы сделать правый берег Днепра неприступным, тем более что этому способствовала и сама природа: берег, на котором закрепились фашисты, был крутым, обрывистым.

Битва предстояла тяжёлая. Недаром за успешное форсирование Днепра будут удостоены звания Героя Советского Союза 123 отважных воина, а тысячи — награждены орденами и медалями. Но будут и потери. Большие.

Батарея и орудийный расчёт старшины Бирлюкова форсировали Днепр, как и большинство наступающих наших войск, ночью под обстрелом с вражеского берега. Это было километров за сто до главного сосредоточения наших войск и главных укреплений немцев. Может быть, поэтому обошлось пока без особых потерь. Батарея при помощи пехоты продвинулась вперёд, потеснив немцев

И.И. Бирлюков (в центре в первом ряду)

километра на два. Рассредоточилась по небольшим балкам, которые будто ручейки стекали к реке. До утра успели окопаться. Орудие Бирлюкова было крайним справа, как и тогда, в первом бою, как бы на отлёте от других, которые располагались более компактно, ближе друг к другу. Это обстоятельство и сыграет позднее положительную роль для его расчёта.

Немцы поначалу не придали особого значения просочившимся на «их» берег нашим войскам, хотя и «огрызались» огнём всю ночь. Но затем, видимо, поняли замысел: дело в том, что этой группировке была поставлена задача обойти основные позиции немцев справа и ударить в тыл. Поэтому на рассвете немцы предприняли мощную атаку в надежде оттеснить нас и сбросить в Днепр. И им это чуть было не удалось. Наши, еле закрепившись на берегу после ночного форсирования, были как на ладони. Хорошо, что рельеф местности не позволял немцам применить танки. Били по нашим позициям орудия и миномёты. Наши отвечали тем же. Однако силы были неравны. Отступили и пехотинцы. Но расчёт Бирлюкова в горячке боя не заметил этого и продолжал вести огонь. И вдруг в полуктора километрах от них лавиной двинулась в нашу сторону немецкая пехота. «Осколочными! Прямой наводкой!» — прокричал Бирлюков и сам схватил из ящика первый снаряд. «Бирлюков, ты где? — услышал он в трубке телефона голос командира батареи. — Почему не отходишь?» «Тут немцев полно. Прут, как сумасшедшие!» — сумел бросить несколько слов старшина, и связь прервалась. Взрывы от снарядов вспыхивали точно в скоплении немцев. Один. Второй. Десятый. Двадцатый... Но, несмотря на потери, немцы продолжали наступать. Вот уже до них осталось метров 600. Снаряды буквально косили их, как траву. И наконец вражеский поток не выдержал, начал откатываться назад. Атака захлебнулась. Показалась наша пехота. Бой завязался теперь с перевесом в нашу сторону, удалось оттеснить немцев ещё

километра на два. Подошло подкрепление с того берега. Заняли прежние позиции все остальные орудия батареи.

Но Бирлюков, занятый жарким боем, всего этого не знал. Видел лишь отступление немцев и подоспевшую пехоту. Поэтому удивился, когда около его орудия появились командир батареи Леженко и полковник Колчин.

Расчёт, пользуясь временным затишьем, отдыхал, притулившись на лафете пушки. Завидев командиров, Бирлюков вскочил, дал команду «Встать! Смирно!» и, приложив руку к виску, начал было докладывать.

«Отставить, старшина! — перебил его Леженко. — Не надо, садитесь, братцы. Вольно!» — и, оглядев всех усталым взглядом, добавил: — Молодцы! Вы такое, братцы, сотворили, что сами, наверное, не знаете. Помогли плацдарм удержать. И немцам дали прикурить. Считаю, роту минимум положили».

Артиллеристы переглянулись: а они-то думали, им выговор будет за то, что не сумели вовремя отойти.

— Расчёт заслуживает самых высоких наград, — вмешался в разговор полковник, — вы — настоящие герои...

На батарее прошёл слух, что старшине Бирлюкову дадут за этот бой Звезду Героя. Но когда ему вручали орден Боевого Красного Знамени, он посчитал, что и эта награда очень завышена, так как ничего особенного он не совершал. Воевал — и всё. Такой он человек.

* * *

Ивану Ильичу Бирлюкову сейчас восемьдесят пять. За плечами не только война. После Победы снова была школа в родном селе, где он, в прошлом учитель, стал директором. А потом избирали его заместителем председателя Старошайговского райисполкома, затем — председателем. Доверяли важный пост председателю партгосконтроля. Добрым словом вспоминают Ивана Ильича Бирлюкова в бывшем Совмине Мордовии, где он заведовал организационно-инструкторским отделом.

Среди боевых наград, кроме ордена Боевого Красного Знамени, есть орден Отечественной войны II степени, медали, а также награды за добрые дела в мирное время — орден «Знак Почёта», медали.

Жена Александра Фёдоровна (та самая Шура) — медик. Отдала любимому делу всю жизнь. Уже несколько лет на пенсии, как и муж. У них две взрослые дочери — врач и экономист, сын Валерий — инженер. Дружная, добрая семья. Три внука и один правнук.

Оба они — мои земляки. Мне, к сожалению, не довелось быть учеником Ивана Ильича. Но у него учились все мои братья и сёстры, которые всегда говорят о нём с большим уважением и теплотой. Как и сотни других моих земляков из мордовского села Летки...

г. Саранск Республики Мордовия